

Иванов Вячеслав Иванович

Борозды и межи

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В99

В99 **Вячеслав Иванович И.**
Борозды и межи / Иванов Вячеслав Иванович – М.: Книга по Требованию,
2022. – 361 с.

ISBN 978-5-519-86562-3

ISBN 978-5-519-86562-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Эта вторая книга избранных „эстетических и критических опытов“ продолжает развивать единое міросозерцаніе, основы котораго уже намѣчены въ первой („По Звѣздамъ“).

Міросозерцаніе живо—поскольку оно рождаетъ новыя стремленія; зрѣло—поскольку обрѣтаетъ въ себѣ законъ. Въ этой книгѣ читатель найдетъ и поднятыя борозды, и предѣльные межи.

Онъ уловитъ, въ частности, очертанія моей эстетики и поэтики; задумается со мною надъ идеологіей новаго духа; осязнетъ пройденный символизмъ съ его окраинъ.

Подъ рубрикою: „къ исторіи символизма“, должны были, по первоначальному замыслу, войти въ собраніе еще два опыта: о Гете, и о Голубомъ Цвѣткѣ. Трудности печатнаго дѣла въ военное время повелѣли скупѣе размѣрить объемъ книги.

Собранное въ подробностяхъ измѣнено и дополнено. Выдержки на стр. 28, 189 сл., 195, 228 сл., 326 сл., 331, 351 перевелъ авторъ.

В.

И.

СОДЕРЖАНІЕ

I. ГЕРОИЧЕСКІЯ ТРИЗНЫ.

	Стр.
1. <u>Достоевскій и романъ-трагедія</u>	3
Экскурсъ. Основной мнѣ въ романъ „Бѣсы“	61
2. Левъ Толстой и культура	73
3. Религіозное дѣло Вл. Соловьева	95

II. ИСКУССТВО И СИМВОЛИЗМЪ.

1. <u>Завѣты символизма</u>	119
2. <u>Мысли о символизмѣ</u>	145
Экскурсъ. О сектѣ и догматѣ	160
3. Манера, лицо и стиль	165
4. О границахъ искусства	187

III. ИГРЫ МЕЛЬПОМЕНИ.

1. <u>О существѣ трагедіи</u>	233
Экскурсъ. О лирической темѣ	256
2. Эстетическая норма театра	259
Экскурсъ. О кризисѣ театра	279

IV. ОДИНОКІЯ МОГИЛЫ.

1. О поэзіи Иннокентія Анненскаго	289
2. Чурлянишь и проблема синтеза искусствъ	313



ГЕРОИЧЕСКІЯ ТРИЗНЫ.

ДОСТОЕВСКІЙ
И
РОМАНЪ-ТРАГЕДІЯ.

Публичная лекція и рефератъ, читанный въ петербургскомъ Литературномъ Обществѣ.— „Русская Мысль“ 1911 г., май-іюнь.

Въ основу Экскурса положена рѣчь, произнесенная въ московскомъ Религіозно-Философскомъ Обществѣ, по случаю доклада С. Н. Булгакова „Русская Трагедія“. Какъ докладъ, такъ и Экскурсъ напечатаны въ апрѣльской книгѣ „Русской Мысли“ за 1914 г.

Достоевскій кажется мнѣ наиболѣе живымъ изъ всѣхъ отъ насъ ушедшихъ вождей и богатырей духа. Сходятъ со сцены люди, которые были властителями нашихъ думъ, или только отходятъ вглубь съ передняго плана сцены,—и мы уже знаемъ, какъ опредѣлилось ихъ историческое мѣсто, какое десятилѣтіе нашей быстро текущей жизни, какое устремленіе нашей безпокойно ищущей, нашей мятущейся мысли они выразили и воплотили. Такъ, Чеховъ кажется намъ поэтомъ сумерекъ до-революціонной поры. Немногіе какъ бы изъятые въ нашемъ сознаніи изъ этой ближайшей исторической обусловленности: такъ возвышается надъ потокомъ времени Левъ Толстой. Но часто это значитъ только, что нѣкій живой порывъ завершился и откристаллизовался въ непреложную цѣнность, — а между нами и этимъ новымъ, зажегшимся на краю неба, маякомъ легло еще большее отдаленіе, чѣмъ промежъ нами и тѣмъ, кто накануне шелъ впереди и предводилъ насъ до послѣдняго поворота дороги. Тѣ, что исполнили работу вчерашняго дня исторіи, въ нѣкоторомъ смыслѣ ближе переживаемой жизни, чѣмъ незыблемые свѣточки, намѣчающіе путь къ верховнымъ цѣлямъ. Толстой, художникъ, уже только радуется насъ съ высотъ над-

временнаго Парнасса, прозрачной и далекой обители нестарѣющихъ Музъ. Еще недавно мы были потрясены уходомъ Толстого изъ его дома и изъ нашего общаго дома, этою торжественною и завѣтною разлукою на порогъ сего міра и невѣдомаго иного, безусловнаго и безжизненнаго, въ нашемъ смыслѣ, міра, которому давно уже принадлежалъ онъ. Въ нашей памяти остался ликъ совершившейся личности и, вмѣстѣ съ послѣднимъ, живымъ завѣтомъ: „не могу молчать“, нѣкое единственное слово, слово уже не отъ сего міра, о невѣдомомъ Богѣ и, быть можетъ, также невѣдомомъ добрѣ, и о цѣли и цѣнности безусловной.

Тридцать лѣтъ тому назадъ умеръ Достоевскій, а образы его искусства, эти живые призраки, которыми онъ населилъ нашу среду, ни на пядь не отстаютъ отъ насъ, не хотятъ удалиться въ свѣтлыя обители Музъ и стать предметомъ нашего отчужденнаго и безвольнаго созерцанія. Безпокойными скитальцами они стучатся въ наши дома въ темныя и въ бѣлыя ночи, узнаются на улицахъ въ сомнительныхъ пятнахъ петербургскаго тумана и располагаются бесѣдовать съ нами въ часы безсонницы въ нашемъ собственномъ подпольѣ. Достоевскій зажегъ на краю горизонта самые отдаленные маяки, почти невѣроятные по силѣ неземнаго блеска, кажушіеся уже не маяками земли, а звѣздами неба,—а самъ не отошелъ отъ насъ, остается неотступно съ нами и, направляя ихъ лучи въ наше сердце, жжетъ насъ прикосновеніями раскаленнаго желѣза. Каждой судорогѣ нашего сердца онъ отвѣчаетъ: „знаю, и дальше, и больше знаю“; каждому взгляду поманившаго насъ